

Заграничныя извѣстія.

БООПАРТИЗМЪ И ЕГО РАЗНООБРАЗНЫЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ.—НАВОДИВШІЯ ВЪ ЮЖНЫХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ.—ФИЛИППИКА ПРОТИВЪ РОСКОШИ.—ВЪТЪ РАБОЧАГО КЛАССА ВЪ ПАРЖЪ.—КНИГИ ЛАЗАРА, ИВВРА И ГОССОНА.—АВГУСТИНЪ ТЪРРРИ.—ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.—ПРАЗДНОВАНІЕ МИРА ВЪ ЛОНДОНЪ.—ПЕРЕСМОТРЪ АНГЛІЙСКАГО ПЕРЕВОДА ВІБЛЯ.—НОВОЕ ЗДАНІЕ БИБЛОТЕКИ ПРИ БРИТАВСКОМЪ МУЗЕИ.—НОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ ЛИТЕРАТУРЪ.—ПРОЗЕТЪ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ВЪ НЕДИО.—САЯТАМЫ.—ПЕРЕВОДЪ «ПОТЕРЯННАГО РАЯ» МИЛЬТОНА НА ИТАЛЬЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.—ГЛАВНѢЙШЕ АМЕРИКАНСКІЯ ЖУРНАЛЫ.—СТАТИСТИКА СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Бонапартизмъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ во Франціи все болѣе и болѣе значенія. Крестины императорскаго принца праздновались съ самымъ строгимъ соблюденіемъ предписаннаго церемоніала, имѣвшаго цѣлю выставить государственную важность этого событія. Тутъ все было разсчитано заранѣе, и рѣчь папскаго легата, какъ не входившая въ программу, не существовала для публики отъ грома музыки, огласившей своды храма Богоматери при первыхъ словахъ кардинала. Проектъ закона о регенствѣ императрицы французъ ведетъ къ той же цѣли политики Людовика-Наполеона—упрочить престолъ Франціи исключительно за своимъ семействомъ. Полярная экспедиція двоюроднаго брата императора служитъ также выраженіемъ, хотя и косвеннымъ, этой политики.

Но праздники и иллюминаціи, сопровождавшіе крестины, чудеса роскоши, выказанныя дворомъ и столицей по этому поводу, чрезвычайное стеченіе въ Парижъ иностранцевъ и провинціаловъ, конфеты, сыпавшіяся на улицы съ аэростатовъ, какъ изъ роговъ изобилія, колоссальныя бонбоньерки, спускавшіяся на парашютахъ,—весь этотъ шумъ и гамъ ликующей столицы, при видѣ ракетъ, бенгальскаго огня, золота, бархата и брильянтовъ, тѣмъ сильнѣе дали замѣтить другую сторону медали, когда, опомнясь отъ минутнаго упоенія и восторга, французская нація стала лицомъ къ лицу съ раззоренными представителями своихъ южныхъ провинцій.

Югъ Франціи понесъ тяжкія потери отъ разлива рѣкъ. Ліонъ, Сентъ-Этьеннъ, Авињонъ, Туръ и всѣ плодосныя пространства земли по берегамъ Роны и Луары опустошены совершенно, поля размыты, жилища разрушены,

скотъ потопленъ. Пособіи пострадавшимъ, назначенныя самимъ императоромъ (125,000 фр.) и законодательнымъ корпусомъ (2,000,000 фр.), лишь въ слабой степени облегчатъ зло и едва ли въ состояніи будутъ предотвратить общую нищету и голодъ въ лучшихъ мѣстностяхъ государства. Франціи нужно серьезно подумать о мѣрахъ народнаго продовольствія, особенно послѣ тѣхъ странныхъ результатовъ и убытковъ, къ которымъ привели тамъ всѣ законоположенія о таксѣ на печеный хлѣбъ.

Между тѣмъ, наперекоръ этимъ печальнымъ урокамъ судьбы, вслѣдъ за жертвами, принесенными крымской войнѣ, роскошь усиливается въ Парижѣ до невѣроятныхъ размѣровъ.

На всѣхъ концахъ столицы ежедневно возникаютъ новые магазины съ мебелью, бронзой, шелковыми, туалетными и мебельными матеріями, драгоценными вещами, фарфорами, антиками, рѣдкостями и пр., и пр. На ряду съ кофейнями и съѣстными лавочками, портными и модистками, обойщики получаютъ норовую важность и возбуждаютъ къ своей профессіи безграничное уваженіе.

И не нужно посѣщать дворцы или отели знатныхъ людей, чтобы имѣть понятіе о парижской роскоши: бульвары съ своими магазинами представляютъ на каждомъ шагѣ образцы той изысканной, тщеславной расточительности, противъ которой вооружаются всѣ благомыслящіе люди и отъ которой такъ сильно, но безмолвно страдаетъ классъ бѣдныхъ потребителей.

Кровати изъ розоваго дерева, разукрашенныя бронзой, фарфоромъ, камнями, эмалью; шкапы съ пружинами и выдвигаемыми зеркалами, которыя со всѣхъ сторонъ отражаютъ въ себѣ одѣвающуюся даму; мозаичныя шифоньерки, бюро, къ которымъ совѣстно подойти съ мыслию о серьезномъ дѣлѣ, диваны, располагающіе къ восточной лѣни и сладкой дремотѣ, наконецъ туалеты дамъ, которыя тратятъ на наряды по тридцати, сорока тысячъ франковъ, кружева лоретокъ, которыя не знаютъ счета деньгамъ и границъ мотовству и роскоши, — все это невольно оскорбляетъ порядочныхъ женщинъ, ограниченныхъ въ денежныхъ средствахъ, все это наводитъ на печальную мысль о торжествѣ наглости и безстыдства и о постоянныхъ лишенияхъ, съ которыми соединена судьба честнаго труженика. Потому-то люди, въ сущности благородные, но не довольно сильные характеромъ, чтобы переносить тяжкую долю посредственности, пускаются часто въ спекуляціи, рискуютъ своимъ состояніемъ, добрымъ именемъ, а прежде всего семейнымъ счастіемъ, о которомъ не можетъ быть и рѣчи, когда штофные обои и эластичныя рессоры фаэтона считаются первымъ условіемъ равумныхъ и сердечныхъ наслажденій.

При такомъ положеніи дѣлъ и при возрастающей дороговизнѣ жизни, быть рабочаго класса въ Парижѣ вызываетъ на самыя серьезныя размышленія. Работники, пристроенные къ мастерскимъ, готовятъ себѣ, посредствомъ извѣстныхъ денежныхъ взносовъ, вспомошествованіе на случай болѣзни и пособіе на похороны. Уплачивая по два франка въ мѣсяцъ, изувѣченный или больной работникъ получаетъ отъ общества взаимнаго обезпеченія (Association générale de l'Assurance mutuelle) по три франка въ день на пропитаніе съ семействомъ. Если онъ умираетъ, его прилично хоронятъ, и онъ избѣгаетъ удѣла безпомощныхъ людей — быть изрѣваннымъ въ какой нибудь

хирургической аудиторіи и погребеннымъ въ общей могилѣ столичныхъ пролетаріевъ.

Но въ подобныхъ учрежденіяхъ для женщинъ нѣтъ рабочаго класса въ Парижѣ большой недостатокъ ¹⁾, и что же прикажете дѣлать швеѣ, котрая, работая цѣлый день надъ фестонами оборки или солдатскими рубашками, получаетъ, съ своимъ матеріаломъ, отъ десяти до пятнадцати су? Этого едва достанетъ на хлѣбъ и воду, на вязанку дровъ въ зимнюю пору; а квартира, а бѣлье, платье, обувь?.. Мудрено ли, что, при хорошенькой наружности, швея, ослабляя мало по малу свои нравственныя правила, мѣняетъ чердакъ на уютный и комфортабельный апартаментъ въ бель-этажѣ, соломенный стулъ— на пружинный оттоманъ,—мудрено ли, что, промѣнявъ дешевую, сто разъ мытую кисею на алансонскія кружева и бессонныя ночи за тусклымъ огаркомъ и работой на бессонныя ночи въ оперномъ маскарадѣ или загородной оргіи, она свыкается съ своимъ новымъ положешемъ и, несясь въ щегольскомъ фазтонѣ на модное гулянье, окидываетъ скромныхъ гризетъ, москательщицъ и чиновницъ тѣми презрительными взглядами, противъ которыхъ писалось и пишется во Франціи столько гнѣвныхъ и краснорѣчивыхъ фельетоновъ? Удержаться отъ нравственнаго паденія, посреди нужды и моральнаго индифферентизма общества, конечно, подвигъ, достойный всякой похвалы; но многія ли способны на этотъ подвигъ? и сколько, быть можетъ, душевной борьбы, раскаянія, отвращенія и тупаго отчаянія испытаетъ иная женщина прежде, чѣмъ сдѣлается модной лореткой, героиней маскарада и Бала-Мобиль, ужасомъ для скромныхъ матерей семействъ и сюжетомъ для вдохновенія драматурговъ и фельетонистовъ!..

При такихъ обстоятельствахъ, когда вопросы о бытѣ рабочаго класса въ Парижѣ и о матеріальныхъ средствахъ города вообще возникаютъ съ возрастающею настойчивостью, когда безпрерывныя перестройки стираютъ тамъ съ лица земли цѣлые кварталы и улицы,—книги, разбирающія съ той или другой стороны столицу Франціи, получаютъ занимательность не для правдныхъ лишь читателей, не для однихъ туристовъ, желающихъ познакомиться съ внѣшнимъ видомъ города: добросовѣстный трудъ въ этомъ родѣ былъ бы важнымъ социальнымъ приобретешемъ и указалъ бы мѣры къ возвышенію благосостоянія рабочаго населенія.

О Парижѣ написано множество книгъ, написано съ разными цѣлями: для городского начальства, для иностранцевъ, для мѣстныхъ жителей, для историковъ и т. д.; но въ этомъ числѣ очень мало хорошихъ сочиненій.

Теперь явился въ свѣтъ объемистый трудъ Лазара, подъ названіемъ: *Перечень парижскихъ улицъ* (Dictionnaire des rues de Paris). Это большой томъ in-4, главную часть котораго занимаетъ, расположенная въ алфавитномъ порядкѣ, исторія улицъ и находящихся на нихъ зданій. Книга составлена очень тщательно и приспособлена преимущественно къ потребностямъ мѣстныхъ жителей. При гнѣхъ безпрестанныхъ перестройкахъ, которымъ Парижъ подвергался въ послѣднее время, скоро невозможно будетъ, безъ помощи подобныхъ книгъ и плановъ, имѣть понятіе даже о главныхъ изъ существовавшихъ улицъ,

¹⁾ Благотворительное учрежденіе для приврѣткіи женщинъ есть въ оредѣстьи ок. Антонія.

и мѣстности, ознаменованныя важнѣйшими историческими происшествіями, сдѣлаются достояніемъ народной миеологіи.

Важный недостатокъ книги Лазара заключается въ томъ, что къ ней приложены историческіе планы города самыхъ малыхъ размѣровъ, тогда какъ подробный атласъ, обозначающій пространство и видъ етолицы въ извѣстныхъ эпохи, составлялъ бы существенную принадлежность подобнаго изданія. Притомъ же, книга эта занимается исключительно матеріальною стороною города, тогда какъ главное значеніе Парижа заключается не въ улицахъ и монументахъ его, а въ томъ неувѣримомъ вліяніи, отчасти благотворномъ, отчасти вредномъ, которое онъ оказывалъ на Францію и вообще на образованный мръ.

Потому появленіе сочиненія Мендра: *Исторія Парижа и его вліянія на Европу* (Histoire de Paris et de son influence en Europe), возбудило общее любопытство.

Здѣсь автору предстояло побѣдить много трудностей, потому что, разсуждан о значеніи Парижа и вліяніи, оказанномъ имъ на тѣ или другія событія, онъ легко могъ смѣшивать то, что принадлежитъ исключительно Парижу и вытекло изъ особенностей его характера, съ тѣмъ, что составляетъ достояніе всей Франціи. Это такіе нравственные факты, которые мудрено изслѣдовать во всей точности и представить, безъ преувеличенія, со всѣми ихъ послѣдствіями. Описать вліяніе, оказанное Парижемъ на идеи и литературу всего свѣта посредствомъ инокъ, посредствомъ парламента и муниципальнаго устройства, посредствомъ роли, которую онъ игралъ во время Реформаціи и религіозныхъ войнъ, посредствомъ разныхъ учреждений, академій, торговыхъ и ремесленныхъ заведеній, журналовъ, посредствомъ своихъ нравовъ и моды, сдѣлавшейся законодательницею для всѣхъ высшихъ сословій,—безъ сомнѣнія, чрезвычайно мудрено. Населеніе Парижа состоитъ изъ равнородныхъ элементовъ, среди которыхъ настоящіе парижане какъ бы исчезаютъ. Жители провинцій и иностранцы съ разныхъ концовъ свѣта превращаются въ этомъ центрѣ въ такое племя, которое, опредѣляя космополитскія свойства города, имѣетъ способность усваивать себѣ и перерабатывать все чуждое и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывать обратное вліяніе на весь свѣтъ, вызывая его къ подражанію. Но ошибется тотъ, кто подумаетъ, что подобныя вопросы затронуты въ книгѣ Мендра: книга эта представляетъ лишь родъ политической исторіи Франціи, съ довольно произвольнымъ перечнемъ того, что случилось собственно въ Парижѣ, и съ присовокупленіемъ скудныхъ разсужденій о муниципальномъ устройствѣ столицы въ тотъ или другой періодъ времени. Между тѣмъ, вліяніе города на идеи народа, на искусства, науки, администрацію, на распространеніе французской литературы,—однимъ словомъ, все, что преимущественно дѣйствуетъ на человѣчество и находитъ для себя матеріальное выраженіе лишь въ политической исторіи,—все это пройдено молчаіемъ; авторъ не даетъ даже понять, чтобы онъ хоть сколько нибудь думалъ объ этой главной сторонѣ избраннаго имъ предмета. Такимъ образомъ, книга не достигаетъ своей цѣли; содержаніе ея не соотвѣтствуетъ заглавію и не удовлетворяетъ читателя ни какъ историческое сочиненіе, ни какъ картина нравовъ.

Для познанія матеріальной стороны парижской жизни можетъ служить недавно изданное сочиненіе Гюссона, подъ заглавіемъ: *О размѣрахъ потреб-*

ленія припасовъ въ Парижѣ (*Les consommations de Paris*). Авторъ этой книги служить начальникомъ отдѣленія въ одномъ изъ городскихъ учреждений и потому могъ пользоваться всѣми официальными источниками. Онъ разсматриваетъ, въ подробности, всѣ припасы, которые потребляются въ Парижѣ, и основывается въ своихъ выводахъ на цифрахъ городскихъ сборовъ. По каждой статьѣ представлены у него историческіе очерки извѣстнаго рода торговли или промысла и самыхъ законоположеній по этимъ предметамъ. Здѣсь говорится о происхожденіи и приготовленіи товаровъ, о подрѣзѣніи ихъ, о цѣнахъ на припасы въ то или другое время, и изъ всего этого выводится заключеніе, сколько Парижъ расходуетъ ежегодно на предметы первой потребности. Авторъ беретъ въ расчетъ рыночныя и оптовыя цѣны, прикладываетъ къ нимъ барыши, извлекаемые торговцами, и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ:

Рыночная цѣнность припасовъ, продаваемыхъ въ Парижѣ, представляетъ цифру 433 милліоновъ франковъ; присоединивъ къ этому 90 м. франк. барышей въ пользу торговцевъ, получимъ всего 523,000,000 ф., что составитъ, среднимъ числомъ, по 497 фр. 44 с. на человѣка.

Какъ ни значительна эта цифра, однако, она ниже дѣйствительной, потому что, съ одной стороны, барыши торговцевъ на дѣлѣ превышаютъ принятые въ настоящемъ расчетѣ; съ другой стороны, исчисленіе дѣлалось здѣсь на основаніи цѣнъ 1851—53 годовъ. На нынѣшнія, высокія цѣны авторъ смотритъ какъ на временныя, долженствующія измѣниться.

Во всякомъ случаѣ, этого расчета уже достаточно, чтобы дать понять, какъ тяжела для населенія столицы подобная дороговизна жизни; къ этому присоединяется еще постоянное возвышеніе цѣнъ на квартиры, зависящее отъ безпрестанныхъ перестроекъ, которымъ подвергается столица Франціи. Бѣдные люди не знаютъ, какъ имъ устроиться; народъ тысячами выселяется въ лежащія къ Парижу деревни и потомъ теряетъ по нѣскольку часовъ въ день на ходьбу, отыскивая въ городѣ работу.

Но, не говоря уже о бѣднякахъ, даже люди съ порядочнымъ состояніемъ болѣе и болѣе затрудняются находить себѣ квартиры, которыя бы соответствовали ихъ средствамъ и потребностямъ; а такъ какъ страсть къ разрушенію и перестройкамъ все увеличивается и какъ значительныя пространства, на которыхъ стоятъ теперь дома, скоро превратятся въ площади и улицы, то нельзя даже опредѣлить хорошенько, чѣмъ все это кончится.

Городъ всячески старается возвышать сумму своихъ доходовъ: сборы увеличиваются, устанавливаются новые налоги — на собакъ, кареты, лошадей и пр. Но невозможно, чтобы онъ скупалъ земли, ломалъ и перестраивалъ зданія на собственные средства. Прежде всѣ надѣялись, что городскіе сборы будутъ понижаемы и мало по малу уничтожатся, по мѣрѣ того, какъ уплатятся городскіе долги. Долги эти уплачены еще въ 1852 году, а, между тѣмъ, сборы все увеличиваются, и теперь уже нѣтъ и рѣчи объ уничтоженіи ихъ. Въ какой степени этотъ порядокъ вещей стѣсняетъ городъ и его промышленность, въ какой мѣрѣ обременительны подобныя сборы сами по себѣ и по вредному вліянію ихъ на торговлю и промыслы, отъ введенія въ дѣло перевушниковъ и барышниковъ, и отъ попытокъ противопоставить этому искусственному злу еще болѣе искусственныя средства (какъ, напр., надзоръ пра-

вительства за продажу печенного хлѣба и управление дѣлами булочныхъ), — обо всемъ этомъ авторъ могъ бы болѣе чѣмъ кто либо написать подробную и основательную статью. Онъ оказалъ бы тѣмъ важную услугу не одному Парижу, но вообще всемъ городамъ, которые въ системѣ налоговъ вздумали бы слѣдовать примѣру столицы Франціи; но дѣло въ томъ, что служебное положеніе г. Гюссона не позволяетъ ему разрабатывать избранный предметъ съ этой стороны. Онъ говоритъ съ энергіей и увлеченіемъ о томъ благодѣтельномъ вліяніи, которое оказало бы на бытъ рабочаго класса и на 'успѣхи промышленности освобожденіе производительнаго труда отъ налоговъ; но въ то же время онъ старается оправдать двѣ погрѣшающія противъ этой системы мѣры, принимаемыя парижскимъ городскимъ начальствомъ: именно сохраненіе цеховъ булочниковъ и мясниковъ.

Существованіе этихъ послѣднихъ 'остатковъ цеховаго устройства влечетъ за собою равнаго рода вредныя послѣдствія: дороговизну жизни, невозможность предпринять какія либо улучшенія, укорененіе злоупотребленій и чрезвычайныя расходы. Всѣ средства, употреблявшіяся для смягченія этого зла, не только никому не приносили пользы, но вели даже еще къ болѣшимъ беспорядкамъ. Два года тому назадъ вздумали, напримѣръ, удержать хлѣбъ въ Парижѣ въ извѣстной постоянной цѣнѣ, при помощи особой кассы, которая въ дорогое время обязывалась вознаграждать булочниковъ за дешевую продажу хлѣба, а, наоборотъ, въ дешевое время должна была получать съ пекарей тотъ излишекъ, который оказывался бы въ цѣнѣ, назначенной по таксѣ, въ сравненіи съ обыкновенною рыночною цѣною. Эта попытка продавать хлѣбъ однимъ *су* на фунтъ дешевле вольной цѣны повела къ значительнымъ убыткамъ для городской кассы, которая ищетъ теперь занять по этому поводу 40 милліоновъ франковъ. Между гѣмъ, городъ не хочетъ, кажется, покинуть этой системы и, безъ сомнѣнія, войдетъ еще въ болѣшіе долги; уплата процентовъ по займамъ падеть также на потребителей, въ видѣ городскихъ сборовъ, и жизнь будетъ становиться все дороже и дороже, тогда какъ освобожденіе промысла пекарей отъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ повело-бы, само собою, вслѣдствіе одной лишь конкурренціи и безъ всякихъ пожертвованій со стороны города, къ приготвленію болѣе дешеваго хлѣба.

Такимъ образомъ, нельзя не пожалѣть, что г. Гюссонъ, прекрасно понимающій этотъ вопросъ, не могъ разработать ого въ своей книгѣ съ желаемой полнотою и безпристрастіемъ, тѣмъ болѣе, что книга его вполне поучительна и представляетъ такой богатый запасъ статистическихъ свѣдѣній, какой едва ли можно собрать удовлетворительно для какого либо другаго города, кромѣ Парижа.

Франціи потеряла въ послѣднее время много замѣчательныхъ людей, въ томъ числѣ одного изъ даровитѣйшихъ историковъ — *Августина Тьерри*, автора *Разказовъ о временахъ Меровинговъ, Десяти лѣтъ историческихъ изслѣдованій*, и пр.

Исполняя общіяніе, данное читателямъ, скажемъ теперь нѣсколько словъ о жизни и трудахъ Тьерри.

Тьерри родился въ Блуа, въ 1795 году, въ бѣдномъ семействѣ, которое употребляло послѣднія деньги на воспитаніе двухъ братьевъ: Августина и

Амедея. Августинъ учился реторикѣ, когда ему попался въ руки томъ сочиненій Шатобріана, въ которомъ драматически описывается сраженіе франковъ съ римлянами въ Батовскихъ болотахъ. Чтеніе этой книги рѣшило карьеру молодого Тьерри.

Выйдя изъ коллегіи, въ 1811 году, онъ поступилъ въ Нормальную школу и скоро сдѣлался провинціальнымъ учителемъ. Около 1814 года, прервавъ сношенія съ университетомъ, онъ сдѣлался приверженцемъ Сень-Симона, а въ 1817 году началъ заниматься редакціей *Sepweig* еогорѣеп, лучшаго либеральнаго журнала того времени. При этомъ должно припомнить, что въ области исторіи авторитетами тогда были Милло, Гарнье и Анкетиль, которые заставляли Хлодвига носить парикъ, Фредегонду—пудриться, и королеву Бланку—надѣвать фижмы. Августину Тьерри суждено было произвести въ исторіи переворотъ по пути, подготовленному Шатобріаномъ, и, возвышаясь надъ лѣтописцами и повилыми рассказчиками, прийти къ новымъ, живымъ научнымъ даннымъ.

Очеркъ своихъ произведеній и планъ исторической реформы Тьерри изложилъ въ письмахъ, которыя печатались въ *Courrier français* 1821 года. Съ тѣхъ поръ, распрощавшись съ свѣтомъ, онъ съ ровностью бенедиктинца погрузился въ изученіе текстовъ, ища въ нихъ преимущественно разрѣшенія задачи о вторженіи германскихъ племенъ. Плодомъ этихъ трудовъ были два произведенія, столь же замѣчательныя по формѣ, сколько важныя по внутреннему содержанію,—произведенія, сдѣлавшія переворотъ въ исторической литературѣ: *Исторія завоеванія Англии норманнами* (*l'Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands*), появившаяся въ 1825 году, и *Письма объ исторіи Франціи* (*Lettres sur l'Histoire de France*), изданныя въ 1827 году. Автору не было оцѣно тогда и тридцати лѣтъ; но уже и въ эту пору господствующею страстью его была привязанность къ наукѣ. Эта страсть вызвала его на слѣдующую фразу, которую мы читаемъ въ одномъ изъ его предисловій: «Если бы мнѣ пришлось снова выбирать карьеру, я бы выбралъ ту же, которая привела меня къ настоящему моему положенію. Будучи елѣпымъ и страдая безъ надежды получить облегченіе, я могу, безъ опасенія возбудить сомнѣніе въ искренности моихъ словъ, удостовѣрить, что въ свѣтѣ есть нѣчто лучшее вещественныхъ наслажденій, богатства и самаго здоровья; это—преданность наукѣ».

Августинъ Тьерри дорого заплатилъ за попытку разрушить уродливыя формы исторіи и разработать исторію либеральныхъ началъ французскаго народа. Зрѣніе его, отъ чтенія рукописей, все болѣе и болѣе утомлялось, а уединенная и суровая жизнь разрушала его организмъ. Напрасно предпринималъ онъ путешествіе на югъ Франціи, въ сопровожденіи друга своего г. Фориеля. По возвращенія своемъ, онъ сталъ искать для себя секретаря. Ену представили молодого человѣка, Армана Карреля. Подъ руководствомъ Тьерри, будущій редакторъ *National* прибрѣлъ первыя историческія свѣдѣнія, которыя примѣнены были имъ потомъ къ дѣлу послѣднихъ революцій. Въ 1830 году Августинъ Тьерри призванъ былъ занять мѣсто въ Институтѣ, по Отдѣленію Надписей и Словесности. Ученое сословіе, изъ уваженія въ его необыкновеннымъ дарованіямъ, постоянно предоставляло ему премію въ десять тысячъ франковъ, установленную баповомъ Гобоомъ.

Августинъ Тьерри скоро принужденъ былъ оставить Парижъ, гдѣ клинать разрушительно дѣйствовалъ на его здоровье. Онъ жилъ потомъ въ Везулѣ, вмѣстѣ съ братомъ Амедеемъ, служившимъ префектомъ Верхней Сены, и въ Люкселѣ. Амедей Тьерри извѣстенъ также, какъ писатель, своей *Историей Галловъ* (Histoire des Gaulois).

Въ Люкселѣ Августинъ Тьерри встрѣтился съ Юліей Керангалъ, благородной бретонской дѣвушкой. Ее тронуло несчастное положеніе гениальнаго писателя, и она рѣшилась соединить свою судьбу съ его судьбою. Не говоря уже о прекрасномъ сердцѣ г-жи Тьерри, женщина эта отличалась необыкновеннымъ умомъ и, участвуя въ историческихъ трудахъ мужа, сдѣлалась извѣстною и собственными сочиненіями. Супруги Тьерри, втеченіе лѣтъ, часто живали въ долигѣ Монморанси, близъ Эрмитажа, прославленнаго Жанъ-Жакомъ Руссо, и занимали тамъ маленькій коттеджъ, отдѣланный въ итальянскомъ вкусѣ. Гениальный страдалецъ проѣзжалъ по этимъ мѣстностямъ въ ручной коляскѣ, умственно созерцая ландшафты, передъ нимъ разстилалась; иногда же переносилъ его изъ комнаты въ комнату особый приставленный для того слуга. Вся нижняя часть его тѣла была поражена и оставалась всегда покрытою плащомъ. Зато голова его была очаровательна. Она поднималась съ широкихъ плечъ и украшена была густыми черными волосами, начавшими сѣдѣть прежде времени. Глаза Тьерри были открыты, и недѣятельность ихъ замѣтна была лишь по тусклому и блуждающему взгляду его. Вюстъ его оставался въ здоровомъ состояніи; но на рукахъ у него дѣйствовали только большой и указательный пальцы. Со времени изданія *Писемъ объ исторіи Франціи* Тьерри ничего уже не писалъ самъ.

Передъ смертью своей Августинъ Тьерри жилъ на зимней квартирѣ, на Монпарнасскомъ бульварѣ. На похоронахъ его собралось много знати, ученыхъ и литературныхъ знаменитостей. Братъ покойнаго предводительствовалъ погребальнымъ кортежемъ.

Кромѣ Тьерри, изъ замѣчательныхъ лицъ во Франціи сошли со сцены Поль Моле-Жентильонъ, романистъ и драматическій писатель, и Бине (Жакъ-Марш-Филиппъ), президентъ Академіи Наукъ, математикъ, профессоръ астрономіи во Французской коллегіи, бывший инспекторъ классовъ въ Политехнической школѣ, и пр.

Моле-Жентильонъ умеръ отъ апоплексіи, 42 лѣтъ. На театрахъ играются многіи изъ его пьесъ и, между прочимъ, *Графиня Наваль* (Comtesse de Navailles), имѣвшая успѣхъ.

Бине родился въ Реннѣ, въ 1786 году. Будучи человѣкомъ религіознымъ и монархистомъ, онъ считался однимъ изъ политическихъ оптимистовъ Реставраціи. Съ 1830 года онъ избралъ для себя ученое поприще и уже не оставлялъ его. Бине написалъ значительное число *Мемуаровъ* о разныхъ важнѣйшихъ вопросахъ изъ области математики и астрономіи и участвовалъ въ редакціи *Небесной Механики*. Въ Институтъ онъ поступилъ лишь въ 1848 году, хотя давно уже считался кандидатомъ въ члены по Отдѣленію Геометріи.

Въ Парижѣ, на сценѣ Большой Оперы, дебютировала новая пѣвица m-lle Моро-Сенти. Она рекомендована была Оберомъ для оперы *Бронзовый*

Ковъ, которую хотѣли поставить на этой сценѣ. Потому предназначили ее для оперъ: *Божество и Баадерка, Вильгельм-Телль, Флорентинская Роза*; наконецъ она появилась передъ публикою въ *Сицилійскихъ Вечерняхъ*.

Моро-Сентъ, по отзывамъ журналовъ, обладаетъ прекрасною наружностію; голосъ ея довольно обширнаго размѣра, но она не форсируетъ его и не кричать. У нея прекрасная вокальная метода, въ игрѣ много выраженіи и страсти.

Г-жѣ Жоржъ Сандъ нѣтъ удачи на сценическомъ поприщѣ. Передѣлка ея изъ Шекспира, подъ названіемъ *Comme il vous plaira*, постановка которой на Французскомъ Театрѣ, не считая платы автору, стояла болѣе пятнадцати тысячъ франковъ, приносила дирекціи каждый разъ, несмотря на дожди и участіе г-жи Арну-Плесси, довольно значительные убытки, такъ что, послѣ десяти или двѣнадцати представлений, сопровождавшихся для публики невыносимою скукой и энергической зѣвотой, произведеніе это предано, кажется, совершенному забвенію. Съ большимъ успѣхомъ давали на этой сценѣ *Амфи-триста*, Мольера, пьесу, которая не была играна уже 8 или 10 лѣтъ, и *Жоконду*, гг. Фуше и Ренье, о которой мы говорили въ свое время съ читателями и которая игралась уже въ Петербургѣ.

Пьеса Октава Фелье, подъ названіемъ *Дережня* (le Village), несмотря на простоту обстановки и незатѣйливость сюжета, очень понравилась парижанамъ. Эта пьеса также знакома петербургской публикѣ. Вотъ содержаніе ея:

Нотариусъ Дюшон удалился въ деревню и наслаждается полнымъ семейнымъ счастіемъ. Но къ нему пріѣзжаетъ одинъ изъ его друзей, Рувьеръ, который разсказами о своихъ путешествіяхъ и жизни, полной приключеній, сбиваетъ съ толку бывшего нотариуса и внушаетъ ему смѣлое желаніе странствовать. Г-жа Дюшон скоро узнаетъ о намѣреніи мужа, покоряется его рѣшимости съ полнымъ самоотверженіемъ и гвѣи самымъ обезоруживаетъ друзей. Рувьеръ теперь самъ старается отклонить Дюшон отъ путешествія и въ заключеніе остается раздѣлять съ нимъ сельское уединеніе.

Въ пьесѣ *Ученыя Жены* (les Femmes savantes) дебютировала m-lle Эдиль Рикье, со сцены Гимназіи. Это актриса съ прекрасною наружностію, полная граціи и благородства въ игрѣ и манерахъ.

На сценѣ Водевеля шла пьеса Луи Люрина и Раймонда Двланда, подъ названіемъ: *Женщины, розписанныя собственною рукою* (Femmes peintes par elles-memes). Жюли Бодені явилась тутъ въ платьѣ, на юбку котораго употреблено было до шестидесяти аршинъ тафты. Понятно, что дамы заинтересовались и платьемъ, и пьесой, и артисткой, которая умѣетъ носить подобныя платья, и даже швейей, которая умѣетъ тратить такое огромное количество матеріи.

Вообще, пользуясь лѣтнимъ ненастьемъ, театры получали довольно хорошіе сборы.

Циркъ съ Темльскаго бульвара переведенъ въ Елисейскія поля и подъ руководствомъ г. Дежана много выигралъ въ послѣднее время. Здѣсь прекрасныя паяцы и наѣздицы. Представленіе начинается въ восемь и оканчивается въ десять часовъ. Это очень удобно и неутомительно.

На сценѣ другаго цирка, императорскаго театра этого имени, играютъ драму Огюста Люше, подъ названіемъ: *la Marchande du Temple*. По от-

зывамъ журналовъ, въ этомъ произведеніи много силы, жхзня, одушевленія, веселости и прекрасныхъ подробностей.

На Итальянскомъ Театрѣ давалъ недавно большой концертъ контрабасистъ Боттеани. Публики собралось очень много, и артистъ былъ принятъ прекрасно. Его упрекаютъ только за то, что онъ издаетъ на своемъ инструментѣ всевозможные звуки, кромѣ тѣхъ, которые свойственны исключительно этому инструменту: онъ играетъ на виолончелѣ, на скрипкѣ, на гармоникѣ, на чемъ угодно, а, между тѣмъ, вы не услышите отъ него ни одной настоящей контрабасной ноты.

Въ этомъ концертѣ участвовали Фрецолина и еще баритонъ-дилеттантъ Винтеръ, которому предсказываютъ блестящую артистическую карьеру.

29 (17) мая въ Англіи, и особенно въ Лондонѣ, происходило торжество по случаю заключенія мира. Утромъ въ этотъ день газеты были наполнены предостереженіями публики противъ беспорядковъ, которые могли случиться въ толпѣ, а на другой день разсыпались въ похвалахъ лондонскимъ жителямъ за то спокойствіе и благоразуміе, съ которыми они участвовали въ праздникѣ.

Съ сѣверо-запада, по Реджентъ-парку, Оксфордстриту, Реджентстриту, Чарингкроссу, Странду, Вейтголлу, мимо казармъ конной гвардіи, Сень-Джемскаго парка, Поллмола и клубовъ, чрезъ Джемстритъ, Пиккадилли, Гринпаркъ и Гайдпаркъ танулись безконечныя толпы народа. Впрочемъ, замѣчательнаго разнообразія, изобрѣтательности, присутствія поэтическаго элемента, или вліянія фантазіи во всей этой праздничной обстановкѣ видно не было.

Изреченіе Джона Булля: *We are practical people*, оправдывалось на дѣлѣ. Королева пожелала, чтобы торжество въ честь мира совпадало съ празднованіемъ дня ея рожденія, и практической смыслъ народа тотчасъ понялъ, какъ извлечь для себя изъ этого желанія матеріальную выгоду. Буквъ V и A было много заготовлено для ежегоднаго празднованія рожденія и именинъ королевы, и теперь изъ слова *Victoria* составилъ слово *Victory* оказывалось очень удобно. Латунныя и жестяныя звѣзды (stars), приспособленныя для газоваго освѣщенія, произвели бы недурной эффектъ; но дѣло въ томъ, что онѣ появлялись уже и прежде, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и въ томъ же сочетаніи другъ съ другомъ, какъ и въ день послѣдняго торжества. Подобныя созвѣздія относились къ прочимъ родамъ иллюминаціи, какъ 9 къ 1. За весьма малыми исключеніями, къ числу которыхъ принадлежалъ отель лорда Варда въ Паркъ-Лэнъ, отели нобльменовъ вообще были проще, скромнѣе и патриархальнѣе иллюминированы, нежели купеческіе магазины и лавки. Лордъ Пальмерстонъ, графъ Дерби и Лондонскій Епископъ выставили на домахъ своихъ по Пиккадилли и Сень-Джемъ-скверу лишь нѣсколько висячихъ шкаликовъ, корону и буквы V и A. Они вспомнили, вѣроятно, какъ замѣчаетъ одна газета, что величіе неразлучно съ простотою и скромностію и что первый императоръ французовъ носилъ обыкновенно стрый сюртукъ. Болѣе разнообразнымъ комбинаціямъ на транспарантахъ подвергалась буква P, то красуясь въ одиночествѣ, то образуя слова *Peace*, *Pax* или фразы въ родѣ слѣдующихъ: *Welcome peace; Esto perpetua; Peace, may it bless our* и проявлялся и нѣкоторый скептицизмъ, какъ, на примѣръ, и *it be a lasting one!* Лондонская компанія омнибусовъ, на

домъ въ Страндѣ, избрала своимъ девизомъ прославленіе единства; но, вытиснувъ надпись *Unity is strength*, она, конечно, думала болѣе о своихъ интересахъ, нежели о двухъ подружившихся государствахъ. На Армейскомъ и Флотскомъ клубахъ, въ Поллмолѣ, красовалась надпись: *Unitate fortior*, и подъ нею: *Victoria*. Наконецъ, замѣчательно, что г. Коллеттъ (извѣстный артистъ) передъ своимъ домомъ на Бельгравстритѣ вывѣсилъ слѣдующую нецеремонную надпись: «Въ знакъ скорби, по случаю безславнаго мира, какъ послѣдствія постыдно веденной войны!» Не менѣе выразителенъ былъ поступокъ продавца зовтиковъ на Оксфордстритѣ: онъ покрылъ товаръ свой флеромъ и выставилъ два флага съ надписями: «*Варъ и Голодная смерть (vagvation)*». На окнахъ одного дона видѣлись изображенія вдовы, оплакивающей мужа, и матери, потерявшей сына. Спереди этого дома висѣло длинное черное суконное покрывало, съ надписью: «Оплакивають падшихъ храбрецовъ»; при входѣ въ домъ стояло шестнадцать траурныхъ подсвѣчниковъ, и подъ ними сдѣлана надпись: «Ночники для мертвыхъ».

Съ тѣхъ поръ, какъ лондонскіе дипломатическіе салоны стали заниматься «итальянскимъ вопросомъ», а англійская и французская журналистика начала представлять грозныя политическія статьи, это движеніе оказало сильное влияние на находящихся въ Англіи изгнанниковъ изъ разныхъ итальянскихъ государствъ. Эмигранты, которые для выполненія своихъ плановъ надѣялись на помощь Англіи, Франціи и Сардиніи, не хотятъ разувѣриться въ томъ, что *что-то* готовится въ пользу Италіи. Эта часть политическихъ бѣглецовъ придаетъ особенное значеніе составленію англо-итальянскаго легіона, который она считаетъ выраженіемъ сильной угрозы врагамъ Италіи. Потому эмигранты не перестаютъ трудиться для упроченія дружбы съ Англіей и въ религіозномъ отношеніи и стараются заключить союзъ съ англиканской пропагандой, въ видахъ распространенія протестантскихъ идей въ Италію, — вслѣдствіе чего англійское духовенство, представляющее вмѣстѣ съ правительствомъ значительную силу, чрезвычайно интересуется итальянскимъ переворотомъ.

Англійское Библейское Общество поддерживаетъ, съ своей стороны, это протестантское направленіе, сообщенное эмигрантами, и обѣ стороны сходятся въ чувствѣ непримиримой ненависти къ Риму. Изгнанники стараются увѣрить англійское духовенство, что революція Италіи была бы болѣе религіозной, нежели политической, и хитрость эта имъ удается. Въ доказательство того приводятъ, что, при содѣйствіи эмигрантовъ, 10,000 библій въ итальянскомъ переводѣ посланы изъ Лондона въ Геную, для распространенія потомъ по всей Италіи. Такимъ образомъ, итальянскіе эмигранты нашли себѣ сильную поддержку въ самыхъ верхнихъ слояхъ общества. Въ половинѣ мая изгнанники устроили собраніе въ одномъ ресторанѣ на Лейстеръ-скверѣ, гдѣ всѣ соучастники появились съ итальянскими кокардами. Переговоры начались въ первомъ этажѣ дома, при запертыхъ дверяхъ, и продолжались до поздней ночи. Страннымъ казалось при этомъ присутствіе многихъ эмигрантовъ, которые изъ пьемонтскихъ владѣній прибыли чрезъ Геную и Францію съ сардинскими паспортами.

На ряду съ народными протестами противъ запрещенія воскресной музыки въ паркахъ, другое проявленіе свободомыслія заключается въ приготовленномъ Нижнею Палатою адрессѣ королевѣ, касающемся полного пересмотра

перевода библии. Основанія этого адреса положены на митингъ Англійскаго Библейскаго Института, 1 апрѣля нынѣшняго года. Адресъ этотъ — за подписью президента Института, Вильсона, и распадается на три части. Здѣсь мзлагаются причины ходатайства, зависящія отъ свойства самаго перевода.

Принятый въ Англїи переводъ библии сдѣланъ былъ еще въ то время, когда филологія находилась въ младенчествѣ (1611 г., въ царствованіе Іакова I). По словамъ адреса, въ простомъ переводѣ допущены важныя *ошибки*. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто текстъ принятаго англійскою церковью перевода Новаго Завѣта сличитъ съ трудами новыхъ библейскихъ толкователей въ Англїи, напримѣръ Самуэля Шарпса, извѣстнаго египтолога и филолога ¹⁾. Въ сочиненіи, издаваномъ этимъ ученымъ подъ заглавіемъ *Критическія замѣчанія на англійскій переводъ Новаго Завѣта* (Critical Notes on the English translation of the New Testament), указывается, какими грубыми, совершенно искажающими емсль, ошибками наполненъ англійскій переводъ библии.

Въ «Times» было въ послѣднее время много статей, разеуждавшихъ о Британскомъ Музеѣ. Даже Парламентъ, по предложенію лорда Джона Росселя и его друзей, занимался этимъ предметомъ. Въ номерѣ на 22 мая толковали о необходимости централизаціи библіотеки Музея и о томъ, что прочія коллєкціи требуютъ болѣе эстетическаго и прїятнаго на взглядъ распорядка.

Библіотека Музея была до сихъ поръ бесполезнымъ складочнымъ мѣстомъ ученыхъ пособій, хранилищемъ слитковъ золота и серебра, драгоценною каскою, отъ которой ключи потеряны. Тамъ остъ все для утоленія умственнаго голода и жажды; но нужно слишкомъ много напряженія, чтобы сорвать плодъ съ этого древа познавая добра и зла. Англійскій формализмъ и «рутина», всепожирающій сфинксъ англійской жизни, дѣлають это древо почти недоступнымъ. Но Англїя теперь на пути къ «реформѣ» (не къ той реформѣ, впрочемъ, которая ознаменовала тридцатые года), и представители власти рѣшились, кажется, строить для искусствъ и наукъ дворцы, — строить ихъ съ бльшимъ вкусомъ и знаніемъ дѣла, чѣмъ какіе залѣтны въ Павильонѣ Георга IV въ Брайтонѣ или въ Национальной Галлереѣ на Трафалгарь-скверѣ.

По словамъ «Times», новая зала для чтенія при Британскомъ Музеѣ находится возлѣ нынѣшняго зданія музея; она окружена дѣшнымъ корридормъ и завершается куполомъ, котораго внутренній разрѣзъ только на два фута ниже купола Пантеона. «Times» говоритъ, что этотъ куполъ, въ сравненіи съ куполомъ Пантеона, представляетъ даже болѣе выгодное освѣщеніе, болѣе привлекательности въ планѣ и болѣе учености въ производствѣ постройки. Для занимающагося въ залѣ соединены всевозможныя удобства: каждый посѣтителъ будетъ получать особый пюпитръ, стулъ, лампу съ абажуромъ и столъ, довольно большой для того, чтобы помѣстить всѣ необходимыя книги и карты. Кругомъ по стѣнамъ залы устроятся полки, на которыхъ уставится 35,000 томовъ; къ этимъ полкамъ будутъ подходить по легкимъ желѣзнымъ галлереямъ. Все это пространство будетъ нагрѣваться самымъ удобнымъ образомъ.

Но въ прокрасномъ зданіи библіотеки, по словамъ «Times», не будетъ

¹⁾ Самуэль Шарпс — племянникъ Самуэля Роджерса, о которомъ мы говорили уже съ читателями. Египетскій отдѣлъ Сейденгенскаго хрустальнаго дворца составился по указаніямъ Шарпса.

ни живыхъ красокъ по стѣнамъ, ни произведеній живописи и скульптуры, ни глѣбныхъ украшеній. «Лондонъ — безцвѣтная столица!» жалобно восклицаетъ газета. «Нашъ городъ производитъ на зрителя такое же впечатлѣнiе, какъ ландшафтъ, нарисованный секіей». Въ Англии все едро и мрачно — drab-coloured. Тамъ не умѣютъ придавать полезному краесоту и грацію. Теперь тамъ болѣе суровости и простоты во внѣшности, чѣмъ было 150 лѣтъ тому назадъ. Вообще, англійскіе нравы — загадка.

Въ Лондонѣ Лонгмонъ и К^о издали сборникъ подъ названіемъ: «Справочная книга Британскаго Консула» (The British Consul's Manual). Книга эта можетъ служить важнымъ пособіемъ для консуловъ разныхъ націй. Авторъ ея, г. Тузонъ, секретарь австрійскаго генеральнаго консульства въ Лондонѣ, съ неутомимымъ терпѣніемъ перебиралъ и сличалъ матеріады, касавшіяся этого предмета, и извлекъ изъ нихъ наиболѣе необходимое. Все, что касается правъ и обязанностей консула, его общественнаго положенія и отношеній къ торгующему сословію, всѣ узаконенія различныхъ государствъ по части торговли и мореплаванія, — все это изложено въ объемѣ 572 печатныхъ страницъ, при чемъ сжатость не мѣшаетъ подробности и опредѣлительности сообщаемыхъ свѣдѣній. Авторъ приводитъ имена 87 писателей, трудами которыхъ онъ руководствовался при составленіи своей книги.

Книга начинается историческимъ очеркомъ происхожденія консульствъ. Отсюда мы узнаемъ, что первый англійскій торговый консулъ былъ Леонардо Строцци въ Пизѣ (1485 г.); за нимъ слѣдовали: Ченап де-Менеада Лескесъ въ Кандіи (1522 г.) и Бенуа Джустиніани въ Скіо (1531 г.). Г. Тузонъ одобряетъ систему англійскаго и сѣверо-американскаго правительствъ, которыя назначили своимъ консуламъ приличное содержаніе и тѣмъ избавляютъ ихъ отъ необходимости прибѣгать къ постороннимъ заятіямъ, для добыванія себѣ куска хлѣба. Напротивъ того, германскіи и австрійскіи консульства въ Америкѣ в Азіи находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, при чемъ способности, степень образованія и самые поступки ихъ агентовъ слишкомъ далеки отъ того, чтобы внушить туземцамъ уваженіе къ націямъ, которыя эти агенты представляютъ.

18 лондонскихъ журналовъ, въ томъ числѣ London Times, Athenaeum, Morning Herald, Civil Service Office, Mercantile Gazette, Journal of Commerce, Economist, и т. д., отозвались о трудѣ г. Тузона съ самой лучшей стороны.

Въ литературномъ ирѣ Англии мало замѣчательныхъ явленій. Началъ издаваться новый ежемѣсячный журналъ: The London University. Онъ занимается переводами изъ Шиллера.

Другіи обзоры толкуютъ о памфлетѣ Монталанберта, хвала, или порицая его, смотря по тому, къ какой партіи принадлежать. Третій выпускъ сочиненія Майгью о Лондонѣ представляетъ подробное и любопытное описаніе большой образцовой тюрьмы въ Пентонвиллѣ. *Малютка Дорритъ* Диккенса тянется безъ всякой видимой причины, кромѣ той, чтобы наполнить извѣстное число листовъ.

Диккенсъ купилъ себѣ подъ лѣтнюю резиденцію Гадсгилль, прославленный Шекспиромъ.

Появился послѣдній томъ біографіи Томаса Мура, написанной лордомъ Джономъ Росселемъ.

Въ «Times» помѣщена статья о представляемомъ проектѣ желѣзной дороги въ Индію. О проектѣ этомъ упоминалъ въ Нижней Палатѣ предсѣдатель Индѣйскаго Отдѣленія (Вернонъ Смитъ). Проектъ исходитъ отъ лица, пользующагося большимъ авторитетомъ, именно отъ Макдональда Огефенсона, и «Times» говоритъ объ этомъ предпріятіи съ живымъ участіемъ. Вотъ въ чемъ дѣло:

Дорога будетъ продолженіемъ средне-европейскихъ линій и поведетъ чрезъ Бѣлградъ и Константинополь. Въ Скутарѣ она начнетъ снова и пойдетъ въ Исмидъ, оттуда по долинѣ рѣки Сахарія къ Севригиссуру, потомъ къ Аксераю и Куринскимъ горамъ, далѣе къ верховьямъ Евфрата, на Багдадъ и Вассору къ Персидскому заливу.

«Times» замѣчаетъ: «трудности, представляемыя мѣстностію, не очень значительны. Для половины дороги по долинѣ Евфрата матеріалъ доставлять будетъ легко. Насчетъ возможности выполненія этого проекта почти нѣтъ сомнѣній».

Въ Вассору посланъ инженеръ для съемокъ, и публика скоро узнаетъ результатъ его изслѣдованій.

Проектъ продолженія линіи чрезъ Индію къ Инду «Times» считаетъ сумасбродствомъ. Вражда населенія Белуджистана и невѣжество тамошнихъ жителей представили бы въ этомъ случаѣ, по мнѣнію газеты, еще болѣе серьезныя препятствія, чѣмъ горы и степи.

Расстояніе отъ Скутарѣ до Персидскаго залива составляетъ 1,300 англійскихъ миль. По исчисленію «Times», построеніе дороги обойдется въ 10,000 ф. ст. съ каждой мили.

Основываясь на опытѣ индѣйскаго и восточнаго пароходства, газета ожидаетъ и для дороги успѣха, особенно, если это предпріятіе найдетъ поддержку въ правительствѣ.

Стефенсонъ полагаетъ, что построеніе дороги сократитъ разстояніе между Англіей и Индіей до семидневнаго пути.

Содержаніе, получаемое англійскими чиновниками въ Остиндія, очень значительно: такъ, напримѣръ, губернатору выдается въ мѣсяцъ 10,666 руній, членамъ совѣта (Council) 5,333, старшему секретарю 4,166, генералъ-почтмейстеру 2,333, главному сборщику податей 3,000 руній ¹⁾.

Но, къ чести этихъ лицъ, должно сказать, что многія изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы всѣ свои доходы употреблять на прихоти или копить деньги изъ привязанности къ золоту, обращаютъ ихъ въ пользу страны, обезпечившей ихъ благосостояніе.

Одинъ изъ такихъ примѣровъ представляетъ живущій въ Шотландіи гражданскій чиновникъ бенгальской службы, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ назначилъ премію въ 300 фунт. стерл. за «лучшій опытъ изложенія индѣйской философіи по системамъ Веданта, Нжая и Санкія», положилъ эту сумму въ банкъ гг. Горовъ въ Лондонѣ и поруками (Trustees) избралъ кантерберійскаго архіепископа и епископовъ лондонскаго и оxfordскаго. Составленная этими лицами испытательная коммиссія изъ двухъ профессоровъ Кембриджскаго

¹⁾ Рунія равняется 16 германскимъ грошамъ, или 50 коп. сер.

университета, Милля и Вевелля, и известнаго Гораса Геймана Вильсона, профессора санскритскаго языка въ Оксфордѣ, не признала ни одного изъ поданныхъ до конца 1854 года сочиненій достойнымъ преміи, и потому въ прошломъ году назначенъ на этотъ предметъ новый срокъ, который окончится въ декабрь 1857 года, съ тѣмъ, что хотя отъ сочиненія и требуется, чтобы оно было написано на англійскомъ языкѣ, но къ сонскательству допускаются не одни уроженцы Великобританіи и Ирландіи.

Въ Миланѣ вышло въ переводѣ «Потеряннаго Рая», Мильтона, сдѣланный Беллати ¹⁾. Попытка эта достойна серьезнаго вниманія, потому что библейско-пуританскій характеръ поэмы нелегко поддается переводу, особенно на итальянскій языкъ. Антонио Беллати не новичекъ въ искусствѣ переводить. Въ 1828 году онъ издалъ «Saggio di poesie alemanne» (*Опыта германской поэзіи*, котораго второе изданіе сдѣлано въ Миланѣ въ 1832 году). Здѣсь заключались произведенія Гете, Шиллера, Бюргера, Якоби, Гельти, Маттисона, Тидге, Салиса, Уланда, Эберта. Это былъ прекрасный сборникъ съ биографическими очерками. Но само собою разумѣется, что переводъ «Потеряннаго Рая» представляется трудомъ несравненно болѣе замѣчательнымъ. Беллати долго боролся съ трудностями подлинника и многія изъ нихъ побѣдилъ очень счастливо. Весь тонъ произведенія выдержанъ прекрасно; стихъ отличается умѣренностію въ движеніи, и если попадаются мѣста тяжелые ²⁾, періоды слишкомъ растянутые, то должно вспомнить, что и въ подлинникѣ встрѣчаются періоды по пятнадцать и двадцати стиховъ; притомъ же, итальянская поэзія любитъ вообще нѣкоторую сложность и запутанность въ построеніи періодовъ. Чтобы дать понятіе, въ какой степени Беллати успѣлъ въ своей попыткѣ, сдѣлавъ двѣ выписки.

Для примѣра, возьмемъ сперва то мѣсто (I, 283), гдѣ описывается, какъ сатана приближается къ берегу, неся на плечахъ тяжелый щитъ, который напоминаетъ собою обликъ мѣсяца, отражающійся въ оптическомъ стеклѣ Галлилея:

— «Già lo gran nemico
Motoa verso la spiaggia; il ponderoso
Sendo, tondo, massiccio, smisurato,
D'eterea temprà avea gittato a tergo:
Il grand'orbe pendea dalle suo spalle,
Alia luna simil, quand e ne guarda
L'ampio globo l'artefice Toscano
Di Fiesole sul colle, od in Valdarno
La sera a discovrirne entro le macchie
Per virtù di cristalli nnove terre,
E fiumi, mouti». ³⁾

¹⁾ Il Paradiso perduto di Milton, Traduzione di Antonio Bellati.—Въ прошломъ году нѣкоторые мѣста поэмы Мильтона переведены были Маффеа.

²⁾ Байронъ находилъ это свойство а въ подлинникѣ поэмы Мильтона: „a little heavy, but no less divine“ (Don Juan, III, 91).

³⁾ Въ подлинникѣ оказано такія образованія:

«He scarce had ceased when the superior fiend
Was moving toward the shore; his ponderous shield,
Ethereal temper, massy, large, and round,
Behind him cast; the broad circumference
Hung on his shoulders like the moon, whose orb

Изображеніе первой человѣческой пары (IV, 295) передано намъ въ слѣдующихъ стихахъ:

— «Non erano eguali, e differente
Avean col sesso e qualitate e forma:
Egli ad alti pensieri, egli al valore
Era formato, ed alla alia dolcezza,
Ed alla grazia ehe soave alletta;
Era creato l'oom solo per Dio,
Ed ella era per Dio creata in Ini». ¹⁾

Беллати задаетъ себѣ вопросъ, можетъ ли Мильтонъ найти теперь читателей, и, кажется, остается въ сомнѣніи. Впрочемъ, Италия до сихъ поръ считается отечествомъ эпоса, и ни у одного народа нѣтъ такого терпѣнія, необходимаго для созданія эпической поэмы, какъ у итальянцевъ, несмотря на ихъ живой характеръ.

Главные журналы Соединенныхъ Штатовъ суть тѣ, которые издаются въ Нью-Йоркѣ, политической и коммерческой столицѣ Сѣверной Америки.

Первое мѣсто занимаетъ New-York-Herald, журналъ консерваторовъ и защитниковъ невольничества. Бывъ постояннымъ поборникомъ идей демократической партіи, этотъ журналъ ратуетъ нынче противъ правительства за отказъ, полученный будто бы его главнымъ редакторомъ отъ Пирса, у котораго онъ просилъ мѣсто посланника.

Through optic glass the Tuscan artist views,
At evening from the top of Fesole,
Or in Valdarno, to descry new lands,
Rivers, or mountains, in her spotty globe.

Т. е.: едва онъ (Вельзевулъ) пересталъ говорить, какъ сатана направилъ стопы въ берегъ, забросивъ за спину тяжелый, изъ воздушнаго раствора, плотный, громадный круглый щитъ; обширная плоскость щита, лежавшая на плечахъ сатаны, походила на мѣсяцъ, котораго дискъ представляется въ оптической стеклѣ тосканскаго ученаго (Галилея), когда онъ вечеромъ дѣлаетъ извѣдешя съ вершины Фезоле или въ Вальдарно, желая открыть на запатентованной поверхности обѣта нова земли, рѣки или горы.

Бернгардъ Шуманъ, издавшій въ 1855 году вѣмецкій переводъ «Потеряннаго Раая» вмѣстѣ съ «Возвращеннымъ Раемъ» (Paradise regained), передалъ эти стихи такимъ образомъ

Kaum schwieg er, als der Feinde Haupt dem Ufor
Sich zubewegte. Sein gewicht'ger Schild
Von Aetherstoff gediegen, breit und rund,
Hieng auf den Schultern ihm, dem Monde gleich,
Nach dessen Soheibe der toscan'sche Künstler
Vom Gipfel Fiesole's, vom Thai Valdarno
Durch das geschliffne Glas am Abend schaut,
Um auf der flock'gen Kugel neues Land
Und Ströme und Gebirge zu endecken

1) Въ подлинникѣ говорится:

— «though both
Not equal, as their sex not equal seemed;
For contemplation he and valour formed;
For softness she, and sweet attractive grace,
He for God only, she for God in him.

Т. е.: хотя они и не представляли между собою сходства такъ же, какъ различали ногами: онъ созданъ для размышленія и доблестныхъ подвиговъ, она для нѣжности, пріятной и привлекательной граціи; онъ отворенъ непосредственно Богомъ, она—Богомъ же, но чрезъ посредство его.

Затѣмъ слѣдуетъ Tribune, принадлежавшій нѣкогда радикальной вѣтви партіи виговъ, но стремящійся теперь къ уничтоженію рабства.

Daily Times отличается отъ предъидущаго журнала болѣе рѣзкимъ характеромъ своей полемики. Теперешній главный редакторъ этого журнала, г. Раймондъ, былъ прежде помощникомъ редактора «Courier and Enquirer». Теперь онъ вице-губернаторъ штата Нью-Йорка.

Courier and Enquirer принадлежит генералу Джэксу Ватсону Веббу. Нѣкогда этотъ журналъ былъ сильнымъ приверженцемъ демократической партіи; но во время борьбы Джексона съ Банкомъ онъ отдѣлился отъ этой партіи и сдѣлался главнымъ органомъ виговъ. Когда виги скрылись съ политической сцены, Courier перешелъ на сторону консервативной партіи, придерживаясь въ то же время католицизма. Съ тѣхъ поръ, какъ большая часть консерваторовъ изъ виговъ поглощены но-нотингами (know-nothings), его убѣжденія на этотъ счетъ нѣсколько измѣнились.

Evenig-Post, выходящій подъ редакціей поэта Брианта, ветерана американской журналистики, есть самое старое изъ нью-йоркскихъ повременныхъ изданій. Онъ былъ преданъ демократической партіи до тѣхъ поръ, когда вопросъ о невольничествѣ привелъ эту партію въ разстройство. Теперь онъ склоняется къ демократическому слінію.

Journal of Commerce, сообразно названію своему, есть изданіе чисто коммерческое. Когда онъ удаляется отъ обычной нейтральности по политическимъ вопросамъ, то ратуетъ, болѣею частью, за демократію и протестантизмъ.

Express и Commercial Advertiser, принадлежавшіе нѣкогда къ консервативной партіи виговъ, поддерживаютъ теперь ту отрасль *но-нотинговъ*, которая защищаетъ невольничество.

Провинціальныя журналы въ Соединенныхъ Штатахъ имѣютъ лишь мѣстное значеніе. Изъ этого числа должно, впрочемъ, исключить тѣ, которые издаются въ правительственныхъ резиденціяхъ и которые сообщаютъ самые достовѣрные отчеты о преніяхъ Конгресса. Union есть органъ правительства, а National Intelligencer—органъ консерваторовъ.

Замѣчательно, что умѣренная демократическая партія, начиная съ 1832 года, почти не находила себѣ въ нью-йоркской журналистикѣ официальнаго представителя, хотя было время, когда демократія была господствующимъ элементомъ въ этомъ городѣ.

Съ другой стороны, одинъ изъ извѣстѣйшихъ журналовъ Новой Англіи, Boston-Post, прославился именно упорствомъ, съ которымъ защищаетъ демократію въ городѣ, проникнутомъ вигизмомъ, и начало рабства посреди населенія, противнаго невольничеству.

По поводу размолвки между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами, оба государства старались, посредствомъ газетныхъ статей, показать свѣту, какими средствами они располагаютъ на случай войны.

Въ этомъ отношеніи, любопытны, между прочимъ, слѣдующіи статистическія данныя о разныхъ штатахъ Союза.

Население штатовъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, составляло:

	1850.	1855.
Штаты Новой Англіи (6)	2,728,116	3,000,987
Средіе Штаты (5)	6,573,301	7,339,047
Южно-атлантическіе штаты (5)	3,952,837	4,202,418
Юго-западные штаты (7)	4,303,522	5,045,761
Западные штаты (7)	5,397,518	6,951,713
Штатъ Тихаго океана	224,435	327,108
Территоріи	92,298	189,126
Округъ Колумбіи	57,689	58,127
	<hr/>	
	23,329,716	27,114,287

Народное богатство подраздѣлено такимъ образомъ:

	1850.	1855.
	доллеры	доллеры
Штаты Новой Англіи	1,012,986,102	1,178,098,747
Средіе Штаты .	1,593,256,929	2,387,491,021
Южно-атлантическіе штаты .	1,266,552,334	1,304,128,824
Юго-западные штаты .	1,252,873,948	1,639,126,449
Западные штаты	679,404,529	1,926,515,811
Штатъ Тихаго Океана	21,923,173	66,982,320
Территоріи	11,486,116	19,750,000
Округъ Колумбіи	16,183,755	23,000,000
	<hr/>	
	5,854,666,886	8,535,093,172

Въ сложности, приращеніе народонаселенія и богатства усиливалось по направленію къ западу, въ слѣдующей пропорціи:

	населеніе.	богатство.
Въ Штатахъ Новой Англіи	10 процентовъ.	16 ¹ / ₂ процентовъ.
— Средн. Штатахъ .	11 ⁶ / ₁₀ —	почти 50 —
— Сѣверо-западн. Штатахъ	28 ⁸ / ₁₀ —	119 —
— Штатъ Тихаго океана	45 ⁴ / ₁₀ —	159 ⁶ / ₁₀ —
— Территоріи	почти 105 —	72 —

Торговля союза съ Британской Америкой представляла слѣдующія цифры:

Годы.	Вывозъ.	Привозъ.
	Доллеры.	Доллеры.
1851	12,014,923	6.693,122
1852	10,509,016	6,110,229
1853	13,140,642	7,550,718
1854	24,556,924	8,928,560
1855	27,806,020	15,136.784

Большая часть торговли производилась съ Канадой, такъ что въ 1855 году вывозъ туда простирался до суммы 18,720,354 доллоровъ, а привозъ оттуда представлялъ цифру 8,142,314 доллоровъ ¹⁾.

---

¹⁾ Allgemeine Zeitung, Athenaeum, Indépendance Belge, Revue Britannique, Revue des deux Mondes, Illustration, а пр.